

Популярный аттракцион “Лабиринты”

Эта история началась с листа. Не то, чтобы с чистого листа, нет - с газетного. Как-то в полдень, сидя на диване, я, никуда не торопясь и особо не испытывая никакой потребности куда бы то ни было торопиться, проводил своё время за листанием газет, лежащих у меня на коленях. И вот, на одном из листочков местной газетёнки где-то между объявлениями о продаже садового домика и покупке пчеловодной будки, я вдруг заметил обведённое рамочкой и выделенное жирным вычурным шрифтом рекламное объявление. “Ну”, - подумал я тогда. - “опять, наверное, компьютерщики свои услуги предлагают какие-нибудь”. Но нет, содержание объявления вовсе не касалось ремонта электроники и цифровой техники.

Там, на этих тонких газетных листочках, было написано дословно следующее: “Внимание! На проведение новых соревнований в аттракционе “Лабиринты” приглашаются все желающие. Обязательна психологическая стрессоустойчивость, умение ориентироваться на местности, навыки логического мышления, адекватность, наличие головы на плечах. За участие в конкурсе плата не взимается. При регистрации заявки обязательно иметь с собой паспорт. Записаться добровольцем Вы можете по адресу...” Далее был указан адрес и контактный телефон.

Сначала я вроде бы даже как-то и не обратил особого внимания, прочитал, улыбнулся нетипично жёсткой для рекламы формулировке и отсутствию возможности подачи заявки через сайт организации, а после убрал эту газету до лучших времён. Однако уже через пару дней газетный лист снова попался мне на глаза и снова глаза мне мозолило это же самое объявление. Что-то в этом тексте было неправильным, даже непонятно - то ли притягивающим, то ли отталкивающим - но уж точно отличающим его от всех прочих стандартных объявлений когда бы то ни было появлявшихся в газетах. Какие-то лабиринты, да ещё и бесплатно, почему бесплатно, кто сейчас да что бесплатно проводит-то? И вот уже на следующий день я пришёл в офис конторы, которая заявила о проведении мероприятия.

Офис представлял собой маленькую комнатку, по-видимому, кое-как и наспех отделанную следами недавнего евроремонта, а даже не самим недавним евроремонтом в здании, возможно, даже стариинной, досоветской постройки с надписью “Labirints Unlimited Incorporation” над входной дверью. Сидящая в приёмной девушка улыбнулась и

спросила: “Вы добровольцем на “Лабиринты”?” Я кивнул. “Ну проходите, проходите.” Тут же она вытащила кипу каких-то бумаг. Там было, наверное, не менее тридцати страниц, набранных и отпечатанных мелким шрифтом со множеством разнообразных уточнений, оговорок в договорах, дисклеймеров с отказом от ответственности и много ещё чего.

Пролистав бумаги, я поинтересовался: “А что это за лабиринты-то такие?” Девушка призадумалась, прямо как молоко: “Ну как бы Вам объяснить. Это даже и не описать так-то. Одно могу Вам сказать: оттуда либо возвращаются и получают самое ценное, что у них только может быть в жизни, либо...” “Либо”? - переспросил я. “Либо-либо...по крайней мере”, - выдохнула она, как будто решила-таки выдать тайну иностранному шпиону. - “по крайней мере были ещё и те, кто оттуда не вернулся. И никто больше не видел ни малейшего следа или даже намёка на этих людей или что там от них осталось. Я Вас уверяю: тех, кто оттуда не возвращается, искать уже бесполезно.”

Я вздохнул: “Так-так-так! Так значит, это опасно?” “А это уж как повезёт.” “То есть, Вы не владеете информацией?” “Нет, ну что Вы, я прекрасно представляю, о чём идёт речь. В общем, Вам решать. На кону либо большая награда, либо Ваша жизнь.” “А какая награда-то? Что может быть такого ценного, что я мог бы променять на свою жизнь?” - я искренне удивился, ведь я не настолько жмот, чтобы рисковать своей жизнью ради каких-нибудь там золотых монет, и не настолько дурак, чтобы рисковать жизнью ради славы. “Что вообще может заставить меня рисковать жизнью?” - спросил я вслух. “О, поверьте, награда оправдывает Ваши ожидания сполна. В конечном счёте, Вы, возможно, даже пересмотрите собственные взгляды на жизнь. Неужели Вам не интересно? Я как-то прошла через такое - и ничуть об этом не жалею. Так что? Вы участвуете в “Лабиринтах”. Я задумался. “Нуууу...” - всё никак не решался я дать ответ. “Вы можете взять эти бумаги с договорами домой и поразмыслить на досуге”, - посоветовала мне сотрудница компании, уткнувшись с этими словами в компьютер и принявшись там что-то активно нащёлкивать мышкой, периодически постукивая по паре-тройке клавиш на клавиатуре. Я, по-видимому, с весьма задумчивым выражением лица, взял бумаги и отправился восвояси размышлять.

Дни тянулись за днями, и не происходило ничего особо интересного. Обычная жизнь обычного горожанина, ничем особо не примечательная и ничем не замечательная ни для кого бы то ни было другого, ни даже для меня самого. В конечном счёте я просто взял махнул рукой: “А

будь, что будет!” Может быть, это событие хоть что-то изменить в моей жизни. В результате, к концу второй недели раздумий, я нёсся с подписанными бумагами во всё ту же контору “Лэбиринтс Анлимитед”. Сидевшая всё на том же самом месте всё та же самая девушка посмотрела на меня, чуточку прищурившись и коротко сказала, когда я подал ей бумаги: “Хорошо. Ваш автобус будет...таааак...Ваш автобус...будет завтра в двенадцать часов сорок шесть минут, отходит от нашего здания. Он доставит Вас туда, откуда начнётся Ваше путешествие. Желаю Вам удачи. Искренне.” Последнее слово “искренне” она произнесла с особым сочувственным ударением, твёрдо кивнув головой, затем выдала мне какую-то бумагу, наподобие билета. Я, чувствуя, что практически подписал себе смертный приговор, вышел на улицу, уже начиная потихоньку прощаться со всем, что видел вокруг себя.

На следующий день автобус и впрямь отправился, как оказалось, в соседнюю область. За несколько часов поездки, разглядывая за окном чуточку пожухлые пейзажи ранней осени, я всё-таки немного успокоился, многое обдумал, даже подремал чуток, почитал книгу и послушал музыку в наушниках - в общем, делал всё то, чем может развлечь себя любой путник в дороге. Проехав столицу соседней области, расположенную в южной её части, и устремившись куда-то на север, автобус проколесил ещё что-то около часа или чуть больше, остановился в поле. Километрах в трёх от нас высился з`амок абсолютно нехарактерного вида для здешних мест. Замок настолько не вписывался в пейзаж сентябрьского русского поля, что я подумал: “Уж не сплю ли я?”

Поле замечательно и примечательно было разве что своими стогами сена, торчащими то там, то сям в различных местах по всей его площади, точно волдыри на коже у прыщавого тинейджера. Небо виделось мутновато-синим, глубоким и, в общем-то, отнюдь не вдохновляло своим цветом, выражая скорее уж худо осознаваемую тревожность, чем ясность начальной осени. И вот посреди всего этого пейзажа скалистой глыбой возвышался над нами, как уже было сказано, довольно типичный готический замок высотой, пожалуй, никак не меньше новенького тридцати этажного дома, имея столь характерные для готики башенки, пики, шпили, какие-то металлические флажки, но он был настолько тёмного цвета, что практически сливался в какую-то единообразную чернильную кляксу неправильной формы, как будто некто неизвестный, пытаясь нарисовать серые грозовые тучи, допустил неаккуратную оплошность и поставил пятно на лазури неба. И это

пятно, расплзшись, превратилось в замок германской архитектуры.

Первым из автобуса вышел гид: “Всё, господа туристы, дальше только своим ходом, автобус дальше не идёт - опасно.” Мы поблагодарили водителя, который тут же развернулся и торопливо уехал восвояси, а мы остались в поле одни - группа соревнующихся и гид. Когда расстояние в три километра было легко преодолено, то впечатление от черноты постройки стало ещё более гнетущим. “Что там хоть будет-то?” - спрашивали мы у гида, который был достаточно молод, на вид - лет тридцать или около того, высок и поджар, если не сказать - зажарист. У него действительно была просто отменно загорелая смуглая кожа, отчего он немного походил то ли на турка, то ли на египтянина.

Беспрерывно болтая, он рассказывал всем нам историю происхождения замка, но, кажется, каждый из нас волновался настолько, что почти всё пропустил мимо ушей. “Этот замок”, - рассказывал нам гид. - “некогда принадлежал одному очень ии очень крупному и влиятельному дворянину здешних мест, который был столь же богат, сколь и развращён, а потому некоторые образованные местные жители его за глаза зачастую сравнивали с графом Дракулой - настолько же он был пренеприятной личностью. Дворянин держал в своём замке многочисленных крепостных крестьян, а все те земли, территорию которых вы все можете наблюдать сейчас перед собой, от горизонта до горизонта также были его владениями. И практически каждый день он не обходился без того, чтобы помучить или попытать парочку-троечку своих крепостных, но не насмерть, конечно, а так - немного поувечить их. Многие из крестьян, правда, пыток своего барина не выдерживали и погибали в стенах замка, в ег тёмных подвалах, где до сих по сохранились многочисленные камеры в катакомбах и пыточные комнаты. Мы по ним все пройдем, посмотрим и увидим все пристрастия этого малоприятного садиста, а теперь уже давным-давно исторической личности, воочию.

- А причём здесь лабиринты? - задал вопрос один из приехавших состязаться людей, достаточно крупный мужчина средних лет с очень широким и чуть плоским красным, как арбуз, лицом. Только разве что без чёрных точек-семечек.

- Всему своё время. - сказал гид. - Вы на месте всё узнаете.

И вот, когда мы уже стояли у самых ворот замка, готовые отккрыть их и войти вовнутрь, гид заговорщицким голосом поведал нам: “А закончилась история жизни этого помещика-барина довольно трагично. Однажды он поймал и посадил к себе в подвальную темницу

деревенского колдуна из одного поселения близлежащих мест, которое также принадлежало помещику. Этот крепостной оказался крайне живучим, но и он не выдержал “весёлых развлечений” своего барина, и, уже в агонии, собрал, как оставило нам предание, все свои силы и, уже испуская дух, выкрикнул в адрес этого помещика страшное проклятие, которое завещало каждому, входящему в этот замок, уже никогда не вернуться, навеки потеряв дорогу обратно. Но мы нашли способ не заблудиться в проклятом замке и потому можем позволить вам погулять по нему. Хитрости и обходные пути всегда существуют, даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Вспомните, хотя бы, миф о Минотавре, Тесее и нити Ариадны.”

- А что произошло дальше с этим садистским помещиком? Вы же сказали, что его история закончилась печально? - спросил у гида кто-то.

- А, ну да, печально, трагично. Так и есть. Как-то раз он выехал на своей карете за пределы замка. Разозлённая на него до ярости толпа его же крепостных крестьян опрокинула карету. Помещика быстро вытащили наружу и, долго не размышляя, посадили на вилы. А после на дереве вздёрнули - тем его история и закончилась. Правда, говорят, что был он стольким людям ненавистен, что крестьяне его даже хоронить не стали, а, вздёрнув, просто сожгли и прах по ветру развеяли. Но это всё лишь легенды, легенды. Итак, пройдёмте. - пригласил всех в замок гид, приоткрывая скрипучие тяжеловесные створки толстенных дубовых дверей.

Мы вошли в замок, где обнаружилось множество высоких сводчатых коридоров, около которых горели и освещали всё вокруг смоляные факелы. Мы обратили внимание на то, что постройка явно не заброшена, содержится в чистоте, да и те же факелы вешать всё время кому-то требуется, раз уж электричество сюда подвести так никто и не догадался, или специально не стали - в общем, в голове были одни вопросы. Гид повёл нас по просторным коридорам, и действительно, уже вскоре мы все наткнулись на решётки с лежащими в них ввинченными или вбитыми в стену оковами. А проводник всё шёл да шёл, болтая неустанно, когда я вдруг засмотрелся на эту малоприятную решётку для узников, пытаюсь представить себе, каким же ненормальным маньячиной нужно быть, чтобы в своём же доме сооружать подобные камеры.

Когда же я повернулся в сторону группы, то голоса уже раздавались откуда-то издали, но никого не было видно. Тогда я закричал: “Подождите, подождите, пожалуйста, я отстал!” И побежал в сторону голосов, но на этот раз голоса слышались уже совершенно с другой

стороны. Побежав в ту сторону, я опять никого не обнаружил, тогда как гооса всё отдалялись да отдалялись, пока не стихли вовсе. Я тяжело вздохнул и встал прямо посреди коридора. “Ну вот, всё испортил, и до соревнования так и не добрался, и экскурсию как следует, не посмотрел. Ладно уж, что тут решать, пойду к выходу, буду дожидаться остальных у створок ворот замка, там, быть может, и суть соревнования объяснят, когда закончится экскурсия”, - в голове мигом вызрел план действий. Я походил по коридорам, которые, честно говоря, нагоняли лёгкие приступы клаустрофобии - всё-таки они были достаточно вытянутыми вверх, узкими и тёмными.

А вдруг это сон? Несколько раз ущипнул себя за руку, потом подумал, что если всё это действительно снится, то в этих коридорах явно водились бы уже давным-давно какие-нибудь жуткие монстры. Но был всё крайне тихо, спокойно, лишь раздавалось лёгкое пощёлкивание огня факелов, и никаких монстров рядом со мной не пробегао и даже не предвиделось, зато каждый шаг отдавался гулким эхом, раскатисто уносясь во все стороны вдоль коридоров. Однако и попытки подёргать за ручку входной двери также ни к чему не привели - оказалось, что дверь надёжно и наглухо заперта.

Тогда я уселся, обустроившись рядом со входом. Ладно, буду ждать. Ждал час, два - никто не появлялся. Не было слышно ни голосов, ни шагов - ничего, только я один, коридоры и раскатистое, почти громовое, эхо. Думаю, ладно уж, раз дело обстоит именно так и никак иначе, то, видимо, есть смысл поискать какой-нибудь другой выход и из сложившегося положения и из старинного замка одновременно. Побродив некоторое время по коридорам туда-сюда, я наткнулся на высокую сводчатую дверь, которая также оказалась заперта, затем обнаружилась ещё одна дверь, которая также была заперта. В конце концов, когда был пройден из излазан весь этаж и составлен в уме план коридоров, пришло закономерное логическое понимание, что на этом этаже всего есть четыре двери - через одну из них вошла группа соревнующихся, ещё три двери были закрыты и находились ближе к углам замка - там, где смыкались его стены закруглёнными башенками.

Самое интересное, что не было видно никаких помещений, заов, старинных спален или каких-нибудь галерей, не было ничего, кроме высоких сводчатых коридоров, которые подстранными углами смыкались друг с другом. Подобная архитектура казалась, как минимум, нелогичной. Ещё через несколько часов я понял, как же я всё-таки здесь влип, поскольку, по-видимому, гид со всеми остальными людьми уже уехали и заперли дверь снаружи, а я теперь буду бродить в том замке

до талого - пока не прибудет следующая туристическая группа или...стоп! Это же соревнование! А в чём оно именно? Вот ведь загадка.

Подойдя к одной из дверей, но отнюдь не к той, через которую когда-то вошёл, я заметил на уровне ручки слева от двери нечто странное, как будто в стену был вделан кодовый замок, выглядящий крайне и крайне архаично: четыре кругляшочка из камня, плотно притёсанного к стене, располагались четырьмя пятнышками в два ряда, как шашечки реверси в самом начале игры. Камни были, скажем, очень небольшими и имели диаметр около двух или двух с половиною сантиметров. На каждом из этих четырёх камней в образующемся из них квадрате было нарисовано также по четыре каких-то символа, о значении которых я мог лишь догадываться. Я очень долго и внимательно рассматривал эти символы, но, откровенно говоря, так ничего и не понял, и поэтому, решив, что раз уж это кодовый замок, то, быть может, наудачу, всё-таки удастся как-нибудь подобрать код к двери.

Минут пятнадцать, я туда-сюда вертел эти камешки, поворачивая и проворачивая их подушечкой большого пальца вправо-влево, пока дверь вдруг не щёлкнула отрадным для меня пружинистым посвистом, сопровождаемым глуховатым стуком засова, и когда я надавил на ручку, то - ура - дверь наконец-то открылась. Увиденный снаружи пейзаж, прямо скажем, несколько озадачивал. Это было вовсе не то место, откуда мы все прибыли сюда с группой на соревнования. Да, постройка была всё той же, а в то место - другое, причём другое совершенно. Сразу же за дверью снаружи показался густющий, просто непроглядный серый туман. Он был плотным настолько, что в нём не было видно ничего в радиусе дальше двух-трёх метров. Выйдя наружу и пощупав стены замка, я понял, что они пропитались влагой, и конденсат этот стекал с чёрных гранитных стен, как с крышки кастрюли во время варки борщика или пельменей. Стало быть, туман здесь очень и очень давно, раз здесь образвались такие крупные капли.

Что же касается открывавшегося здесь в нескольких метрах доступной видимости ландшафта, то это явственно была какая-то трясина, неприятное, забкое вонючее болото с крупными травянистыми кочками. Я решил, что, раз уж попал в такую нелицеприятную ситуацию и ещё более нелицеприятное место, то можно было бы хотя бы попытаться оглядеться и позвать на помощь, если таковая, конечно, вдруг найдётся в здешних местах. По крайней мере, возвращаться в замок и сидеть там до полного обалдевания, смысла тоже не было

видно и потому стал прямо-таки дико чертыхаясь, перепрыгивая с кочки на кочку, удаляться от замка. Через некоторое время мне показалось, что я и вовсе заблудился: со всех сторон настолько, насколько вообще можно было разглядеть здесь хоть что-то, был только туман и ничего, кроме него. Ну разве что кочки да вода под ногами хлюпающая.

Замок вскоре совсем скрылся за спиной, исчезнув из вида, будто бы испарившись, но и впереди просвета тоже не было. Прошло ещё несколько минут, а, быть может, и все полчаса, и впереди мне вроде бы как померещилось какое-то тёмное пятно. Приблизившись к нему, я осознал, что оно всё-таки не померещилось: это были какие-то постройки, что-то вроде сарайчика или небольшого домика ветхого облика. Рядом паслись животные вида совершенно пренеприятного. Они, с одной стороны, напоминали стандартную сельскохозяйственной скотинкой, в то же время отличаясь чужеродной инопланетностью внешнего облика - так, как если бы эволюция вдруг завернула в какой-то момент не туда и вывела таких вот мутагенных тварей. У одних из них была только одна лишь кожа, но совершенно не было шерсти, почти как у кошек-сфинксов, у других не было шеи, а зубастая пасть на голове заставляла вспомнить улыбку чеширского кота, в третьих зверях было что-то инсектоидное или арахноморфное. Я старался особо не разглядывать всех этих животных - занятие это было малоприятное, да и, честно говоря, мне просто не хотелось нарываться на неприятности любого рода или источника.

И - о, чудо - среди этих жутких животных я увидел вдруг человека, вероятнее всего, занимавшегося выпасом всего разношерстного стада. Пастух сидел на растрескавшемся от времени и полусгнившем в отсыревающем воздухе грубо обструганном кустарного производства стуле с высокой спинкой прямо посреди болота и кочек, даже не проваливаясь, самодовольно и с нахальным видом заложив ногу за ногу и надвинув на глаза солосенную шляпу. Оставалось для меня и загадной, чем питались все эти животные посреди топей, да и вообще вид животных, столь хило сочетающийся с беззаботностью пастуха да и самим фактом наличия его здесь вместе со стадом были абсурдными до невозможности. Во рту пастух держал соломинку, от нечего делать пожевывая её и посвистывая себе под нос какую-то незамысловатую песенку. Рядом с ним на спинке стула висела связка огромных старинного вида ключей, а в руке он держал длинную плетень. Возраста пастух был трудноопределимого, и единственное, что я отметил по поводу его внешности, так это некоторое сходство с гидом, приведшим

нас всех в замок.

Пастух был не стар, но довольно морщинист и, в отличие от гида, не только не загорелым, а уж скорее, напростин, крайне и крайне бледен и с синюшным оттенком кожи его вытянутого лица и столь же серо-синими губами, как зимнее небо перед самым началом метели. Одет пастух был в какую-то мешковатую простецкую тёмную одежду не шибко удобную на вид. Посмотрев на него, я уловил на себе тяжёлый, прямо-таки пронзительно-свинцовый взгляд, по-скоолиному ясный, но крайне трудно переносимый. Смотреть ему в глаза в ответ не было желания ровным счётом никакого. Я тогда несмело поздоровался:

- Добрый день! А Вы не подскажете, как отсюда можно выбраться? Видите ли, я с туристической группой прибыл в здешние края на соревнования, но немного заблудился.

- Да знаю я. Куда тебе надо - это через другую дверь замка.

- Да, но там закрыто...

- Ну а это уже не мои проблемы.

- У Вас тут связка ключей...она случаем не подходит к той двери, нет ли там ключика, столь мне необходимого?

- Подходит-подходит, но только вот кто ты такой, чтобы я тебе ключи доверил?

- Так мы можем с Вами вместе пройти до туда, если Вы мне ключи не доверяете.

- Не-а, не пойду! - нахально ответил пастух.

- А что это Вы со мной так разговариваете?

- Как хочу, так и разговариваю! - был ответ от пастуха, не перестающего насвистывать под нос настолько фальшиво, что мелодию не разобрать было вовсе.

Я замолчал. Он тоже. Прошло ещё несколько минут. Казалось, что он вообще не замечает моего присутствия.

- Ну так как мне домой попасть-то? - повторил я вопрос, адресованный этому своеобразному и специфическому человеку. Он ещё раз смерил меня уже даже не свинцовым, а скорее ртутным взглядом:

- Да как хочешь, это не мои проблемы, мне вообще пофиг. Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову.

- Ах так, не хочешь ключи отдавать? Ну так я тогда их у тебя силой заберу, нахал!

- Вот ещё! Ещё чего тебе, а? Вали отсюда подальше, пока я на тебя зверей не спустил.

Я быстрым движением ринулся к пастуху, попытавшись выхватить ключи, но последний опередил меня, крепко сжав связку громадных ключей в своей руке, одновременно присвистнув: “За ним!” Звери распознали его крик посвиста, как команду, и устремились всей его разнородной толпой за мной. Пришлось бежать, прямо-таки нестись, перепрыгивая с кочки на кочку, на сей раз, казалось, быстрее ветра, ведь некогда было даже задумываться о том, как бы и куда бы поудобнее наступить.

Животные при ближайшем рассмотрении оказались ещё более диковинными, чем издалика и на первый взгляд, так что у меня создалось впечатление, что за мной гонится целая саванна чуть ли не из Серенгети, и я участвую в сафари, только вот не я здесь охотник на экзотических зверей, а с точностью до наоборот - звери охотники на меня. Животные всё приблизились и приближались, уже чуть ли не кусая за пятки, что было крайне и крайне пренеприятно - осознавать, что они, если и не растопчут меня, то уж разгрызут, а затем потопят где-нибудь в трясине. Стопудово. Выбежав поразительным образом ровнёхонко к той самой двери, через которую я сюда зашёл, я видел, как они несутся буквально в десятке метров от меня. Я стрелой, если не пулей залетел в постройку замка, захлопнул дверь, повернул ручку и панически сотрясаясь всем телом быстрым движением переместил кругляшки кодового замка с тайными знаками в первое попавшееся положение, отличное от предшествующего, дабы закрыть дверь кончатльно. Грохот за дверью стих.

Весь в липком холодном поту, я молчаливо сполз по двери, сев прямо на пол. Сердце дико колотилось. “Фууу, ну и урод всё-таки, этот пастух, хранитель ключей хренов. Что же мне теперь делать-то? Ладно, мы пойдём другим путём”, - сидел я, размышляя и планируя другие действия, затем, чуточку успокоившись и отдышавшись спустя минут двадцать, ещё раз на всякий случай повертел каменные кражочки у двери и снова улышал, как засов щёлкнул. Осторожно выглянув наружу, я попытлся выяснить, там ли ещё всё стадо поджидает меня, чтобы, набросившись, разорвать в клочья, но, вместо этого с удивлением обнаружил, что отныне мне было лицезреть за дверью совершенно иной пейзаж, пришедший на смену болоту с пастухом: на сей раз гранитный рамок разместился прямо посреди яркого океана зашкаливающих расцветок.

Тогда я принял решение опять выйти наружу. Перед входом в дверь платформа, на которой стояла постройка, составляла в ширину не больше трёх метров, опускаясь в дальнейшем в океанические воды,

поэтому почти прямо передо мной за обривистыми гладко-скользящими краями платформы плескались пенящиеся цветастые волны. Высотой платформа также была невелика - не более пары метров, так что плещущиеся волны накатывали солёными разноцветными брызгами, обильно окатывая солоноватой свежестью поверхность фундамента, на котором я стоял, опасаясь свалиться вниз и уже не подняться обратно вовнутрь сооружения. На что волей-неволей пришлось обратить внимание, так это на нестерпимую жару градусов этак сорока, если не больше.

Океан, впрочем, был достаточно спокоен и тих, но выглядел как-то слишком уж по-сюрреалистически невозможным, он был слишком ярким для того, чтобы казаться реальным и постоянно переливался. К тому же, он был слишком прозрачным, отчего легко просматривалось всё его дно на многосотметровой глубине. Когда катились волны, то по всей поверхности океана образовывались радужные преломления, отчего он постоянно бликовал не только синими и зелёными тонами, но даже жёлтыми, малиновыми, оранжевыми, сиренево-фиолетовыми, лимонно-жёлтыми и охристо-бархотцевыми, лазурно-синими и цвета индиго, в общем, оттенков здесь было всех не перечислить, и они постоянно менялись, расползаясь и размываясь по всему океану.

В пронизительно синем, как бы выкрашенном флуоресцентной акриловой краской, небе, синем и глубоком настолько, насколько оно и не бывает никогда в нашем мире даже в самые светлые летние августовские дни, висело три солнца разных размеров: самое крупное из них было красным, но освещало всё довольно тусклым сиянием, оно висело слева. Дальше, в центре, находилось совсем небольшое зеленоватое светило, довольно ярко и пронзительно озарявшее все элементы ландшафта вокруг меня. От вида более крупной, чем зелёная, бело-сине-фиолетовой звезды начинали в глазах мельтешить чёрные точки, настолько оно было мгновенно ослепляющим и нестерпимо фонащим горячими лучами ультрафиолета, что казалось, кожа моя вот-вот воспламенится, а камни платформы фундамента замка, накалившиеся в свете этой сверхновой, высыхали от вод лизавших их волн буквально за считанные секунды.

Я немного походил по платформе в разные стороны, решив обойти постройку по кругу, чтобы выяснить, не стоит ли она на каком-либо полуострове или острове, выход на который имеется с диаметрально противоположной стороны, но когда замок был обойдён по всему его периметру на триста шестьдесят градусов, то стало понятно, что здесь нет ничего, кроме той платформы, из которой он и таращится куда-то в

пронзительное небо, одиноко возвышаясь пореди океана, подобно форту Боярду. Тогда, вдоволь погревшись под светом трёх лучезарных звёзд, я зашёл обратно и снова закрыл дверь, покрутив камешки в первом попавшемся порядке, решив поиграть ещё раз в эту рулетку судьбы ещё раз, поскольку разгадать смысл начертанных на камешках шестнадцати разных знаках, а уж тем более, отыскать нужный порядок для их постановки в своих ячейках, мне никак не удавалось, сколько я ни пытался вдумываться, что же они все означают.

Ясным становилось лишь одно - от порядка выставленных символов зависело то, куда именно откроется дверь, причём каждое возможное пространство однозначно и недвусмысленно определялось последовательностью из четырёх не повторяющихся непонятных символов, которыми каждый камешек нужно было развернуть в сторону специально выточенной зазубрины в стороне двери, открывая предо мной такое количество всевозможных вариантов проекций, что и жизни не хватило бы их всех исследовать и изучить. Зато запросто можно уже никогда не вернуться домой. И это знание навалилось на меня со всей тяжестью несомых им последствий. Ведь где-то, в какой-то из конфигураций камней точно ведь должен быть ход назад, как-то же дверь открылась нам снаружи, а значит, и обратно открыться может...или нет? Я не удивился бы и такому развитию событий, если быть полностью честным.

Оказавшись вновь внутри замка и уже достаточно проголодавшись, но не найдя ничего съестного, я решил не терять зря времени и продолжить свои поиски. Открыв дверь после очередного щелчка, я снова обнаружил за дверью океан, однако на этот раз он был совершенно другим: шквалом дул зашкаливающе сильный, пронзительный и холодный ветер, до последней нитки окатывали льдистые океанические волны, кажется, начинался шторм. Не было даже никакого намёка на оттенок той сорокоградусной жары которую я ещё совсем недавно наблюдал. Небо клубилось так, что казалось, будто оно вот-вот упадёт на голову, а исполинские волны заставляли думать о том, что ещё немного времени пройдёт - и сюда нагрянет цунами.

Воды были явно северными, тёмно-сине-серого цвета, непрозрачные и расплзающиеся в разные стороны высокими гребнями, шуршащими лопающимися пузырьками, как в банке с только что открытым на летней жаре лимонадом. Волны достигали в высоту, похоже, никак не меньше двадцати метров в высоту - и это, в действительности, были лишь самые маленькие из волн, крупные же были такой высоты, что легко были заметны даже у горизонта, у самое

его ограничительной линии, самого его края, там, где на большом расстоянии высота волн должна была превращаться в простую океаническую рябь, если не гладь, вся поверхность колыхалась, точно высоко вздымающееся синее матерчатое покрывало, из которого кто-то усердно, всеми усилиями своими пытался вытряхнуть пыль острых пиков айсберггов. Я понял, что ещё чуть-чуть - и соскользну с узкой, постоянно окатываемой водой платформы, и тогда местные пучины поглотят меня за доли секунды, к тому же пронизывающий ледяной ветер и температура в районе нуля градусов тоже, в определённом роде, доставляли некий дискомфорт.

Было просто неприятно. Я поспешно захлопнул дверь, продрогнув и промокнув до мозга костей за те минут пять, что пробыл снаружи, уже не сомневаясь нисколько в том, что начинаю понимать суть проводимого соревнования и причины, почему каждый в нём уучаствует отдельно друг от друга. Дальше просто ходил, грелся, оттаивал и того невелекого тепла, которое пытались давать факелы, развешанные вдоль стен туннелей, гревшие не больше, чем светившие. Когда я маленько пообсох, то ещё долгое время никак не мог подобрать хоть какую-то конфигурацию для открытия двери, и вот, когда уже практически отчаялся выйти наружу снова и опустил руки, то совершенно неожиданно дверь снова открылась. Я вышел, решив испытать судьбоносную удачу ещё разок.

Дул свежий лёгкий бриз, ярко и тепло светило солнце, а над головой висело высокое, уходящее почти к звёздам, невероятных далей купол неба, так и сквозившее вечным спокойствием беззаботности. Посмотрев прямо перед собой, я в нескольких километрах прямо по курсу от замка увидел некие постройки, обильно курящиеся дымком. Выглядели они довольно своеобразно и непривычно для газа, но с такого расстояния всю специфику их облика в подробностях было не разглядеть, поэтому я решил направиться напрямик туда, надеясь найти хотя бы какие-нибудь следы цивилизации или людей, сумеющих мне чем-нибудь да помочь. К тому же уже весьма и весьма возникало желание чем-нибудь да заморить червячка, ведь я пробыл в замке никак не мене двенадцати часов.

Но когда я подходил к поселению, то понял, что меня занесло на этот раз в действительно удивительное место, отдалённое по уровню развития от моей привычной повседневной реальности, наверное, не менее, как на пять-шесть тысяч лет куда-то в прошлое. Все постройки были соданы из глины, а то и вовсе саманные, они были округлыми и вытянутыми кверху напоминая рыцарские шлемы или швейные

напёрстки великанов. Единственное историческое сравнение, которое приходило на ум при виде такого места жительства, так это некоторое сходство с древними поселениями этрусков. Домов было не так уж и много - хуторок да и только, улицы имели в ширину от силы метра четыре, где над вылитыми прямо на улицу помоями кишели полчища насекомых. По улицам ходили люди в кожаных сандалиях с деревянными подошвами и грязных длинных серо-белых одеждах, напоминающих древнегреческие туники. Окна в домах составляли в размерах от силы сантиметров двадцать на двадцать, а входы без дверей - не больше полутора метров и занавешанные какими-то ветхими лоскутками тряпья, крыши же были солоенными, тогда как у части зданий другой, более крупной по своим размерам и полностью округло-овальной вытянутой вверх конструкции, заканчивались продолговатым трубовидным отверстием, через которое куда-то вверх проходил дымок коптящихся внутри зданий костров для приготовления пищи и обогрева помещений.

На одной из улиц было обустроено нечто наподобие рынка. Я походил по его территории и спросил у одного старца о том, что он может сказать про замок, откуда я пришёл. Старик был облачён в некогда белые, а теперь пыльные и пропитанные пятнами грязи одежды, на ногах же обуви он вовсе не имел, и он просто спокойно сидел, прислонившись спиной к одному из круглых глиняных зданий на рынке, скрестив под собой ноги. Перед ним лежал его товар на продажу: сушёная рыба из близлежащей речки и крынка парного жирного молока. Я пошарил по карманам, пока не обнаружил там несколько металлических монет-пятирублёвок. Спросив у старика, подойдут ли ему такие деньги, я попросил продать мне предлагаемую пищу. Он очень долго разглядывал поданные ему монеты, после чего, твёрдо и уверенно кивнув блестящей на полуденном солнце лысиной, сообщил мне, что и знать не знает подобной валюты, но с удовольствием обменяет свой товар на мою лёгкую куртку - к тому времени я был достаточно голоден для того, чтобы согласиться и на подобный обмен.

Пока я сидел и, забыв обо всём на свете, перекусывал сушёной рыбой, запивая молоком прямо из крынки - настолько хотелось кушать, старец внимательно смотрел на меня, как на какого-то диковинного зверька, а после спросил, откуда я такой пришёл. Я махнул в ответ рукой в сторону замка из гранита. На лице у старика отобразился абсолютно неподдельный ужас, он побленел и, казалось, ещё совсем чуть-чуть - и старец потеряет сознание: "Не ходи туда, не ходи ни в коем случае, все разумные люди знают, что это плохое, очень плохое

место, нельзя туда ходить, каждый кто туда ходил, никогда больше не возвращался. Никто не знает, что произошло со всеми теми, кто решил туда пойти, но никто их больше и не видел. Оставайся здесь, живи здесь, ты сгинешь там!” Я посмотрел на старика: “Жить здесь? Я из дальних краёв и должен потому искать путь домой.” Старец торопливо пожелал мне удачи и взглянул на меня, как на человека, живущего последний день своей жизни.

Спустя ещё несколько минут я отправился петлять и дальше по узким улочкам диковатого поселения. Местность вокруг была полупустынная, глинистая, с какими-то торчащими то там, то сям кустами колючек и практически полным отсутствием травянистого покрова, и уж тем более, каких бы то ни было деревьев, среди всё той же повсеместной глинистости, в которой не за что было глазу зацепиться, кроме редкой ключей полувысохшей растительности, единственным и неизменным элементом всех посещённых мною слоёв реальности высился всё тот же каменный замок, столь отталкивающий вызываемым им подсознательным чувством мрака и тревоги, сколь и притягательный своей возвышенно-колоссальной таинственностью размеров, форм и очертаний.

Настроение явственно улучшилось после обеда: в конце концов я был сыт, жив пережил много интересных событий и получил массу впечатлений, как-нибудь да вернусь, решу ребус замка, разберусь с его квестом, а кто-нибудь да поддержит, если его попрошу, да так и выживу, выкарабкаюсь наружу уже со своей стороны. Именно такого рода и характера мысли проносились в голове на обратном пути к замку. Свежий чуть прохладный ветер бодрил и вдохновлял, оказывая позитивно-стимулирующий эффект, как и греющие, но не палящие солнечные лучи, льющиеся с безоблачного неба. Песчано-глинистая почва под ногами приятно хрустывала. Был на удивление ясный и яркий день. Но я в достаточной мере устал уже к тому времени, и потому, вернувшись в замок стал искать, где же можно легко и качественно выспаться.

В итоге мне всё-таки удалось найти маленькую комнатку с какой-то низкой грубой деревянной лежанкой и накиданной поверх неё старой-престарой прелой соломой, но мне уже было всё равно, поэтому, завалившись спать, я отключился не менее как часов на двенадцать, а проснувшись обнаружил, что так ничего и не изменилось: понять день сейчас или же ночь невозможно было в принципе, ведь по-прежнему всё так же светили и коптили вонючие масляные факелы вдоль сводов стен, никак не выгорая по неизвестной мне причине, по-прежнему в

замке не было ни единого окошка, куда бы хоть как-то и хоть в какой-то форме способен был бы проникнуть солнечный свет. Покрутив кругляшки у двери и дождавшись заветного замочного щелчка, я отправился на новые поиски и с радостью прямо за дверью обнаружил городской пейзаж. “Фуууф, ну здесь, вроде бы как поцивилизованнее, чем в предыдущих местах, куда меня заносило до этого момента”, - таков был вердикт, промелькнувший у меня в голове.

В действительности, за дверью тянулись асфальтированные улицы, состоящие из совершенно одинаковых, отшлифованных серо-желтоватой краской, трёхэтажных домов, похожих друг на друга, как братья-близнецы, и из таких вот домов состояли целые улицы. По краям дороги тянулись узкие тротуары, заканчивающиеся столь же узкими газонами с низкой пожухловатой травкой и редкими полузачахшими деревьями. Столь же ярко светило солнце, клубились облачка, а в воздухе пахло неведомой сыростью. Через улицы, протягиваясь между крышами домов, висели красно-оранжеватые транспаранты достаточно необыкновенного цветового оттенка, наподобие грейпфрутового с вишнёво-лиловым отливом тона, заставляя также вспомнить не то о перезрелом апельсине, не то о чуточку проквасившейся тыкве, не то о перемороженной ноябрьской хурме. Откуда-то бодро и позитивно разносился над всем городским пейзажем далёкий голос из репродуктора. Попытки прочитать надписи, намалёванные белой и золотистой красками на транспарантах, так ни к чему и не привели - это были закорючки неизветного мне алфавита, напоминающего не то иврит, не то корейские иероглифы.

На улицах было совершенно пусто. Я прошёлся по городу в том направлении, откуда раздавался уверенный звук громкоговорителя, и увидел, как в самом конце улицы толпится многочисленный народ, чуть ли не раздавливая дру друга в лепёшку на небольшой площади, к которой выходила улица. “Сегодня самый радостный день в году!” - весело и торжественно раздавалось из репродуктора. - “Сегодня день рождения нашего дорогого Отца Народов! Ура, товарищи!” Толпа ликовала: “Ураааааа! Ураааааа! Ураааааа!” Откуда-то из боковой узкой улочки, примыкающей, по-видимому, к главной центральной улице или даже проспекту, вливающимся в городскую площадь, раздалось строевое маршевое пение. Посмотрев вдоль узкой улицы налево, я увидел, как шеренгой нога в ногу шагает целая толпа народа в одинаковых одеждах цвета хаки с прозеленью и что-то гордо и перевозбуждённо поёт в воинствующе-патриотическом воодушевлении:

Мы - лучший народ,
О нас весь мир поёт!
И в сердце у каждого
Родина живёт!
Родина зовёт!
Родина нас ждёт,
Родина нас помнит
Целый круглый год!
Так вейтесь, пламенейте,
Манговые стяги!
Мы - люди непреклонности,
Воли и отваги!
И воины победы!
Отстал, кто против нас.
Мы помним все советы,
Веди, рабочий класс!
Врагов мы сломим с гневом,
Сотрём их в пыль и грязь,
Пусть бодрые напевы
Взрастят народа власть!
Дорогу Вождь укажет,
Мудрейший наш Отец.
Он только слово скажет
Врагам придёт конец!
Так бряцай же штыками
Народной чести полк!
Мы пронесём веками
Идей высоких толк.
Пройдёмся по планете,
Вождя провозгласив,
Всех стран узнают дети
Рабочий наш мотив!
Незыблема Отчизна
И вечен край родной!
Пока от деспотизма
Народ избавлен мой,
Пока любой сапожник,
Шофёр и сталевар
Штурвалом правит тоже!
Всем людям - власти дар!

Ах, как живётся славно
На Родине моей,
Ведь надзирает главный
И лучший среди Вождей!
Он шествует отважно
По алому пути,
Товарищам всем важно
Помочь ему дойти!
Наш Вождь непререкаем,
Он верно вдаль зовёт.
Пока мы помогаем -
Сплочённый мы народ!

Вокруг доносились отдельные обрывки фраз людей из толпы, в которых слышались те же темы и слова, что и в самой песне: про Родину, пламя, Вождя и силу непобедимого народа. Я приблизился к площади и заметил на себе множество косых взглядов со стороны: я выделялся, как белая ворона, среди людей, одетых одинаково, как на подбор. Ко мне подошёл один гражданин невысокого роста, одетый в серый пиджак, синеватую кепку и коричневые туфли с брюками точь-в-точь такого же цвета.

- А ты почему не маршируешь и одет иначе? Твоего возраста товарищи идут сейчас по пятой улице. Кстати. - человек подозрительно уставился на меня. - а ты откуда такой взялся?

- Я? Ну...со стороны замка...пришёл. Возможно, что это какая--то ошибка, что я здесь вообще нахожусь, мне бы домой хотелось вернуться? Быть может, хоть Вы что-то слышали о том, что там вообще происходит, в этом замке?

Вместо того, чтобы мне ответить, патриотичных граждан своего государства громко заорал: “Шпион! Шпион! Дррружина! Охрррана! Деррржите шпиона, не дайте ему уйти!” Из билжайшего закоулка тут же, недолго думая, вывернула парочка полицейских мордovorотов, похожих друг на друга одинаковыми стрижками, угольно-чёрной униформой, и даже напоминая друг друга чертами их вытянутых прямоугольных лиц, напоминающих те красные кирпичи, которые я при виде этих двух дружинников чуть было не отложил под себя. С достаточной скоростью они направились в мою сторону, чтобы я успел осознать их совсем не добрые, хоть, конечно, и общественно полезные для иих Отчизны намерения. Я принялся бежать - охранники погнались следом, тогда я, решив запутать след, принялся петлять какими-то

закоулками, проулками, протискиваясь в узкие промежутки между домами и прячась за деревьями.

В конечном счёте, мне удалось-таки оторваться от погони, и после этого, как можно более осторожно и как можно менее заметно добраться опять до гранитного замка. К счастью, после приключившегося со мной пренелицеприятного инцидента дальнейшему продвижению уже ничего не угрожало: празднующие горожане все столпились в самом центре у площади и в относительном отдалении от этой самой площади было вообще шаром покати - ни души. Я поскорее забежал вовнутрь постойки, ставшей уже привычной, почти что домом родным, и повернул круги защёлки.

Последующий мир оказался куда как более приветлив, хотя, с другой стороны, было совершенно непонятно, что именно в нём может поджидать: до самого горизонта тянулись одинаковые, практически неотличимые друг от друга зеленоватые холмы, покрытые приземистой сочной травой. На некоторых из этих хомов периодически встречались кряжитые деревья, похожие на растительность из саванн, но по форме напоминающие японские бонсаи. Вокруг во все голоса заливались тицы, чирикающая, стрекотая, посвистывая и откровенно нагло свистя, поджужживая, фьютьфютькая, подзвывая, ухая и издавая ещё неведомые звуки. Из-под ног поднимались тучи из стай кузнечиков, каких-то мошек и прочих непонятных начекомых. В воздухе кишмя кишели глазастые и цветастые стрекозы и периодически пролетали крупные бабочки, напоминающие махаонов или апполонов. Впрочем, и обыкновенные, маленькие с крылышками, наподобие капустниц, боярышниц и лимонниц тоже попадались. Я решил ещё чуточку пройти вглубь проекции, изумительно расстилавшейся перед глазами смарагдовыми всполохами травянистого моря степи, и разведать обстановку.

Было тепло, но не жарко - в самый раз, что дополнительно придавал сил. И, что характерно, здесь никто даже не подумал бы за мной гоняться и в чём бы то ни было обвинять. Так я шёл порядка двенадцати часов. Солнце и не думало садиться за горизонт, по-прежнему высоко нависая где-то вдали над головой. Пейзаж также не менялся ни на йоту. Замок, правда, давным-давно скрылся за спиной, но впереди простирался всё ровненько точно такой же пейзаж: бабочки, стрекозы, деревья и мелкая сочная трава, как свежий салат. В конце-концов я уселся подле одного из кряжистых деревьев, торчащего из верхушки очередного холма, и прислонился к ароматной светло-коричневой коре подуставшей за день спиной.

И какой мне смысл здесь куда-то идти? Это бесполезно абсолютно. Что мне тут - кузнечиками да стрекозами питаться? В конечном счёте, ведь здесь же никого и нечего нет, никаких следов цивилизации. К тому же оставалось невыясненным, и где здесь ближайший водоём, когда он объявится, да и объявится ли он здесь вообще ещё. По логике вещей, водоём быть должен, ведь, в конечном итоге, где-то вдалеке промелькнула туманная дымка косых линий дождя, собирались тучи. Посему я развернулся и пошёл в обратном направлении, чтобы через те же двенадцать часов оказаться всё там же, откуда вышел. Если уж быть честным, то я и сам сильно удивился оттого, что смог к нему вернуться, а не заплутал, отклонившись от курса, что было бы совсем неудивительным, а как раз наоборот - вполне естественным, ведь ориентиры здесь отсутствовали, глазу зацепиться было ровным счётом не за что.

Проснувшись на третий день, я уже потихоньку-помаленьку начал терять надежду вернуться к себе домой, но, хотя бы, должен был попытаться найти нечто похожее - какой-то мир, где были бы люди. Немаловажным требованием была и относительная адекватность этих местных жителей своих подпространств, что стало ясным вчера, когда я задал стрекоча от дружинников и, улепётывая, неустанно размышлял о том, в каком месте мне хотелось бы оказаться на тот случай, если обратно вернуться не получится. И это место было точно не городом одинаковых жёлтых трехэтажек с гражданами, воинственно празднующими день рождения их дорогого и всеми горячо любимого Вождя и Отца народов.

Наугад повертев камешками до последующего щелчка, я приоткрыл дверь и обнаружил, что за ней расластывается внутренний двор замка, казавшийся весьма пространным и объёмистым, но всё же имевшим свои пределы, упираясь во внутренние стены постоек, знаменующие границы лежащего прямо передо мной искусственного ландшафта. Погуляв по внутреннему двору, я обнаружил там достаточно крупный разросшийся, неухоженный и потому просто дико запущенный во всех своих проявлениях, некогда по-дворцовому роскошный парк, видимо, в своё время достойный по своим красотам монархических евростандартов этак трёхсотлетней давности, но и до сих пор парк доставлял отголоски некоего эстетического удовольствия, хоть и обратился в сути своей в нечто ужасное.

“Так-так-так...” - подумал я, разглядывая дворцовый парк возле замка, когда разглядел внутри парка просторный особняк и, не раздумывая особо уж долго, алертным движением кистей рук погрохотал в дверь.

Никто даже и не думал открывать, от тишины в ушах слышна была пульсация крови в сосудах головы. Вскоре, правда, выяснилось, что дверь, оказывается, была не заперта. Нельзя было не заметить: особняк пребывал в ужасающем состоянии - таком же ужасающем, как и сам парк, но в нём ещё видны были остатки роскоши. Было заметно, что это некогда была богатая и прекрасная усадьба, однако, судя по всему, усадьбе этой давным уже настал полнейший упадок, такой, каков только приходит ко всяким там усадьбам: повсюду были видны следы пооблупившейся и полуобвалившейся лепнины, остатки растрескавшихся гнилушек дерева мебели и потрескивающих ежесекундно балочных перекрытий, не только готовых обвалиться в любой момент времени, но ещё, по-видимому, и светящихся по ночам зеленоватой шапкой фотонов, как светлячки на тёплой летней июньской поляне.

Краска цвета морской волны, покрывавшая деревянные элементы декора здания, от времени не просто облезла, а ещё и скрутилась выразительными химическими кудряшками высушенного окаменелого масла, прочнее камня соединившего воедино некогда разрозненный мелкокристаллический порошок цветастых пигментов, в далёкие времена нанчѐнные здесь на всё, что ни попадя в несколько толстых пропитывающих слоѐв. Я ходил по особняку, как по музею, разглядывая старинные картины, пошатывая своей походкой прогибающиеся под моим весом скрипучие деревянные лестницы и открывал столь же музыкальные тяжеленные двери на шарнирах, уже почти полностью обратившихся в оксид железа, заглядывал в залы, исчерченные тонкими, будто вырывающимися из фантастических бластеров, лучами, в реальности льющимися сквозь дыры в ставнях и в прохудившейся черепичной крыше. Здесь было жутковато, как в доме с привидениями: для подходящей атмосферы присутствовали, собственно говоря, все элементы, за исключением, разве что, самих привидений, да и вообще никого видно не было, кроме периодически отражавшегося в старых и оплѐтенных пылью и паутиной зеркалах моего собственного облика.

Внезапно слышались какие-то голоса, всё приближающиеся и приближающиеся, пока в коридоре не показались два человека, по-видимому, муж и жена, уже весьма и весьма престарелого возраста. Они шли рядом и о чём-то крайне эмоционально и громко спорили, рамахивая руками, тряся головами и, по-видимому, даже ругаясь друг с другом довольным привычным для них образом. Одеты старики были довольно-таки небрежно. Женщина - полная седовласая старушка с

растрёпанными космами - в качестве обуви носила поношенные тапочки на иссохшихся худощавых ногах, сыплющих песком, а на теле - истрёпанный и местами протёртый до дыр халат, с которого свисал пояс, змейкою тащившийся по полу за этой самой бабушкой, так что хотелось привязать консервную банку, как к хвостику какого-нибудь дворового полосатого хищника, расхаживающего по деревьям и травам на мягких когтистых лапах и выслеживающего чирикающую или попискивающую добычу. Вспомнив эту шалостную забаву времён детства, я слегка ухмыльнулся. Мужчина тоже был полон, коренаст, имел плотное потное лицо и толстые старчески руки-ноги, имеющие практически единый размер, слоноподобную или бегемотистую толщину и явственно смахивающие на морщинистые корни мандрагоры или женьшеня, пересушенного под полуденным солнцем во время летнего пекла.

Заметив меня, пожилая пара прекратила семейные разборки. Хозяин-старик попытался изобразить великодушие, впрочем, особо не изменившись в суровом и одновременно скучающем выражении лица, на котором разве что заплесала лицемерная тень гостеприимства, больше похожая на скуксившуюся гримасу человека, страдающего от зубной боли и только что целиком проглотившего самый кислый лимон на свете:

- Добро пожаловать, добро пожаловать! Я уж и не припомню, как давно к нам никто не заглядывал. Уж, по крайней мере, лет триста-то точно! Или кто-то да заглядывал, просто всех остальных я позабыл, на старости-то лет склеротических.

- Интересно, интересно. Рад представиться. - я пожал старику протянутую ладонь и назвал собственное имя. Хозяин дома немного подумал и ответил:

- Аналогично. Рад знакомству. Можешь звать меня хранителем или распорядителем проекций. Давай-ка с тобой вместе прогуляемся по парку, и я тебе кое-чего объясню.

Мы вышли, правда, не во внешний, бывший одновременно внутренним для замка, а, как оказалось, во внутренний двор квадратного особняка, где был организован небольшой скверик, в самом центре, если не сказать эпицентре всей этой дерориентирующей меня круговерти, была выстроена такая же обветшавшая, как и всё остальное, беседка из дерева, резная, с широкополой и островерхой крышей, делающей её похожей на тибетскую буддийскую пагоду.

- Когда-то давным-давно. - сказал старик. - я набрёл на этот замок, похоже, точно так же, как и ты. И не смог вернуться. Я искал долго,

годами пытаюсь найти свой собственный дом, пытаюсь отыскать его в бесконечной череде сменяющихся каждый каждого миров, но удача в тот раз отвернулась от меня, поэтому я так и не наткнулся на свой родной дом, зато обнаружил интересное свойство этого гранитного мрачного замка: он позволял при должной настройке выставленных у двери крутящихся камешков собирать мир, наиболее подходящий для каждого посетителя и, более того, связать этого посетителя с миром так, что они оказывались неразрывны. За долгие годы поиска я разгадал этот хитрый секрет, и понял, что если я не могу вернуться к себе домой, то, по крайней мере, я смог бы создать тот идеальный лично для себя мир, в котором мог бы существовать, а связав себя с созданным миром, я бы обеспечил его стабильность самим фактом собственного существования, точно так же, как и практическую бесконечность пребывания в этом мире моего сознания, ибо мир и сознание становились едины и неразрывны - сознание прождало пространство для моей жизни, а это пространство уже в свою очередь начинло порождать моё сознание, так что непонятно было, где между ними чёткая грань, да и способна ли она здесь вообще существовать в принципе при нахождении в этой проекции, в этом порождении моего собственного разума - пока здесь существует одно, то будет существовать и другое, и наоборот в этой проекции тоже справедливо утверждать.

Фактически, ты сейчас у меня в голове, ты мне кажешься. Да-да, я тебя лишь воображаю. Ты есть, и, в то же время, тебя не существует, ведь ты в моём вечном сне, в который с тех давних, многосотлетних времён, пертекла моя былая некогда истинная жизнь. Вот мы ходим с женою и ругаемся. Ты думаешь, что мы испытываем действительно какие-то эмоции? За такой долгий срок существования даже любая ругань превращается в банальное развлечение - здесь просто-напросто нечего делать, скучно так жить, поэтому и ругаемся, чтобы хоть как-то разнообразить опостылевшее многовековое бытие. Да и есть ли эта старушка-жена на самом деле, откуда она взялась здесь? Я уж и не помню, если честно. Явилась ли она сюда из внешнего мира или точно такое же порождение моего собственного разума, как и всё остальное здесь?

За такой долгий срок заключения в узнице между проекций, в этом проклятом капкане параллелей, в пространстве, где я сам - демиург собственного проклятья, вопрос о том, что реально, а что нет, уже лишился смысла ещё в самом начале моего пребывания здесь. Кто знает, быть может и твоя внешняя реальность - точно такая же темница целых

народов Земли, даже не понимающих, что узники с самого рождения, поскольку никогда не видели ничего иного, просто не умея ничего иного видеть и замечать? И есть ли в таком случае принципиальная разница между твоим и моим миром, кроме на много уровней порядков различающихся размеров: твоя реальность, которую ты уже потерял, это целая планета и весь космос за её пределами, тогда как моя реальность - это всего лишь внутренний двор замка. Но оба мы скованы законами своих пространств, не в силах, как правило, покинуть привычную среду обитания. То, что ты здесь и сейчас разговариваешь со мной - лишь исключение, подтверждающее правило, ведь если бы оно не воспринималось, как исключение, то это свидетельствовало бы и о том, что никто из нас не воспринимает правило стабильности пространства.

А правда в том, что любые правила, исключения и представления о стабильности - лишь игра восприятия, порождающая их и поддерживающая, дабы отыскивать точки ориентира в безграничности чуда наших собственных существований. Здесь нет больше никого, но прошло уже слишком много времени - я полностью здесь увяз, врос в мир корнями, я не могу покинуть это место, иначе моё самосознание развеется, как пепел или дым. Слишком поздно пытаться сбежать, если узник становится стражем собственной темницы. И если ты решишь осесть здесь, то свяжешь своё существование с моим осознанием мира, продлив жизнь почти навечно, так что решай, но я бы не советовал тебе поступать подобным образом, иначе ты уподобишься мне.

- То есть внутреннего дворика замка не существует, это лишь выдумка? - я немного запутался в рассуждениях древнего старика, а оттого удивлялся происходящим вокруг явлениям.

- Да, изначально его действительно не существовало и его никто никогда физически не отстраивал, в том числе и владелец замка. Дворик придумал я, и только в силу этого он существует среди тех многочисленных по своему количеству проекции, через некоторые из которых, я уверен, ты уже сумел пройти.

- Если Вы в конечном итоге за долгие годы жизни здесь всё же разгадали тайну кода дверей, то, быть может. Вы сумеете мне подсказать, как вернуться обратно, в мой изначальный мир?

- Не, к сожалению этого я тебе никогда сказать не смогу. Если бы я знал этот секрет досконально, то вернулся бы домой сам ещё давным-давно. А, во-вторых, я вижу по форме твоего сознания, и по тому, как ты воспринимаешь мою реальность, что ты точно не из той проекции, откуда пришёл я сам. Ты полагаешься, реально думаешь, что я

вижу всё, что нас окружает точно так же, как и я сам? Отнюдь, здесь происходит нечто другое, наши описания, способности вникновения и даже понимания друг друга принципиально отличаются. Ты выделяешь из окружения лишь только то, что свойственно характерным чертам действительности, откуда ты родом, и делаешь из этих черт привычную тебе интерпретацию действительности моего воображения, моей внутренней выдумки, ставшей снаружи от нас. Ты делаешь её похожей на твоё родное пространство происхождения, понятное для тебя и позволяющее тебе эффективно позиционироваться в нём, познавая его свойства. Поэтому здесь единственное бестолковое содействие, которое я способен оказать - так это разве что посочувствовать тебе.

Уверен, правда, что толка от моего сочувствия не больше, чем от топота танцующей тли, пытающейся разбудить задремавшего бегемота, съевшего вечером стог сушёной валерианы. Но ты всегда желанный гость у меня - с тобой хоть не так скучно. А может, ты - точно такая же выдумка, как и всё остальное здесь, и я только что неосознанно заставил тебя здесь появиться в постоянных поисках разнообразия? Или моё стремление к разнообразию стало безудержным зовом, заставившим тебя отыскать именно эту проекцию среди сотен других? И даже если ты сам считаешь, что ты существуешь, то, возможно, таковым создаёт тебя постоянное отражение моего подсознания, создавшего в тебе память о том, что ты родился когда-то в другой реальности и пришёл сюда как отдельная личность с полной уверенностью собственной независимости и отдельности, тогда как на самом деле, ты - это я, заставляющий тебя думать о том, что ты - это ты? И выйдя за порог моих фантазий вглубь гранитного замка ты вновь исчезнешь только оттого, что тебя никогда и не существовало? Всякое может быть.

Но ты особо не обращай внимание на рассказы полусумасшедшего старика - я сам иногда не понимаю не только то, что я говорю, но даже и не понимаю то, что думаю, или забываю, думаю ли все эти мысли я сам или это кто-то другой, прикидывающийся мной, думает все мои мысли так, что это не пространство вокруг нас оказывается моим порождением, а я сам оказываюсь порождением того неизвещного некто, который думает за меня мои мысли, заставляя меня думать, что я существую, делая ошибочное заключение о том, что все эти мысли думаю я сам. И тогда, вполне возможным оказывается, что ты - это порождение неосознанных идей того, кто сам является, по сути своей, неосознанной идеей какого-то создания, которое, в свою очередь также может быть чьей-то ещё неосознанной идеей - или осознанной - и так до

бесконечности. Чей твой разум в действительности и чья твоя действительность? Но, поверь, ты можешь, кем или чем бы ты ни был, оставаться здесь ровно столько, сколько только пожелаешь, тебя никто отсюда и никогда не будет гнать, но и задерживать, так сказать, тебя не смеем.

Рассуждения старика, какими бы бредовыми они не показались мне в привычной повседневной жизни, в данной сложившейся ситуации испугали меня чуть ли не до потери пульса: круговерть произошедших всего за пару последних дней событий окончательно размыла во мне границы представления о том, что существует, а чего не существует, поэтому я на самом деле дико испугался, что вся память моей предыдущей жизни - лишь иллюзия, и я растворюсь в небытии, едва успев вступить за порог внутренних покоев замка. Хотя, с другой стороны, если это действительно так, то мне вообще нечего и незачем бояться, поскольку бояться некому, ведь если я и есть тот самый старик, с которым я сейчас беседую, то уж старик-то останется наверняка, если я вдруг и взаправду исчезну в ничто.

Но если я и есть старик, а, следовательно, не исчезну, то кто же тогда в данный момент боится исчезнуть, аж поджилки трясутся, а главное - зачем, какой в этом ужасе заключён тайный смысл, и если этот ужас всё-таки есть, то, наверное, и тайный смысл тоже есть, только о нём кто-то из нас не догадывается, из ачем я говорю “кто-то из нас”, если есть здесь только “кто-то я”, и вполне возможно при подобном раскладе, что “кто-то я” - это я и есть, а старик мне только кажется точно так же, как он всё твердит да твердит, что это именно я ему кажусь. И если так, то зачем вообще здесь искать разницу между тем, кто здесь кажется, а кто - существует, поскольку здесь есть только одно какое-то существо, и это существо, по логике происходящих событий, всенепременно должно остаться, вновь став самим собой, когда какая-то из проекций-отражений этого существа исчезнет?

Чем больше я думал, тем больше и больше запутывался в собственных мыслях, а потому, чтобы окончательно не увязнуть в шизофреническом водовороте индуцированного фантасмогорическими ближайшими событиями и неадекватными стариковскими рассказами острого чувства дереализации, я решил отвлечься, продолжив беседу со стариком - хозяином своей проекции:

- А как вообще так получилось, что гранитный этот замок пророс между всеми мирами?

- Вероятно, гид говорил тебе, что постойка проросла между мирами именно через проклятье того погибшего деревенского колдуна? Так вот,

это чистейшей вводи правда. Правда также и то, что гид рассказал тебе лишь часть правды. Он сам - призрак этого прокляться, проклятьем же и порождённый. Он - сердце и естество замка, неразрывный с ним и прорастающий между мирами точно так же, как я безразделен с собственной выдуманной реальностью, которая стала для меня явью в мере даже большей, чем таковой когда-то была моя предыдущая явь, теперь же кажущаяся только смутным сном. А теперь созданная проекция стала, как видишь, вполне себе явью и для тебя. Потому на протяжении веков гид, принимая различные обличья, затягивает в свой замок под тем или иным предлогом всё новых и новых жертв. Но, как я уже сказал, каждый способен перехитрить гида, обретя, как я, бессмертие в обмен на свободу. Необходимо ли такое бессмертие - вот в чём вопрос.

Я посмотрел в грустные и довольно-таки опустевшие глаза старика, не отражавшие ничего, ровным счётом никаких эмоций, он выглядел окончательно выгравшим в душе, уставшим и сем уже походил на призрака. Старик казался неживым, но при этом физически производил впечатление человека крепкого и здорового, обладающего недюжинными мышцами, хоть и напрочь лишённым всякой воли.

- Что ж, не откажешь ли отобедать у нас? - спросил меня хозяин паркового пространства внутреннего двора.

Мы прошли в большую залу его особняка, где тянулся длинный стол, сочно ломившийся от яств. Яства были все, как на картинах века восемнадцатого: старинная серебряная посуда, высокие графины с каким-то напитками, наливочками и настоечками, фрукты, виноград, жареные куропатки и индейки, дичь, и даже какие-то совсем уж экзотические фрукты, типа папайи, маракуйи и алоказии - всё это здесь присутствовало в пространных объёмах количества и изобилия, близких к чрезмерным. Плотнo отобедав вместе с хозяевам особняка и горячо поблагодарив их за тёплый и благодушный жест гостеприимства, я отправился дальше, когда увидел безосновательность опасений оказаться делириозной стариковской фантазией: всё-таки я ведь не исчез. Хотя, кто знает, может, я по-прежнему ещё там, у него в голове, а всё последующее мне просто продолжает закономерно казаться? Да какая разница, в конце-то концов, как дело обстоит на самом деле, если я и есть суть моё восприятие? Поэтому я сам для себя на сей раз твёрдо решил больше совершенно не беспокоиться по поводу этой столь же запутанной, сколь и пугающей темы.

Из коридоров замка на сей раз доносились некие странные то ли клокочущие, то ли клекочущие звуки. Малость покружив по

хитросплетению каменных сетей постройки и осторожно подкрадываясь к самому эпицентру доносившегося звука, я увидел, что в одной из решётчатых комнат-камер, вдававшихся глубоко в стены, разместилась старенькая-престаренькая бабулька. Она, казалось, была одета в одну застиранную и выцветшую ночнушку, а её обильные и длинные, как у ведьмы, седые волосы запутанными космами спускались до самых пят, обильно закрывая скукоженное лицо. Топорщущимися плохо гнущимися пальцами она держала какие-то склянки, изготавливая какие-то наборы зелий, которые она составляла ровными рядками зесь же, на деревянных сыроватых на вид полочках лаборатории, подобных тем, на каких хранят в подполах и погребах соленья, варенья и прочие маринады запасливые огородники. Собственно, именно кипение её зелий и создавало клопочуще-булькающий звук, похожий на похрюкивание грязевого гейзера где-нибудь на Камчатке. Подобна же была лаборатория не современной химической, а уж скорее какой-то старинной средневековой лаборатории алхимика.

- Здравствуй, бабушка. - обратился я к крутящейся между ретортами хозяйке лаборатории. - Я вот тут уже третьи сутки хожу. Ты здесь живёшь, наверное? Не подскажешь ли, как мне домой вернуться? Не подскажешь ли?

- Ну здравствуй, здравствуй, сынок. Ты не бойся меня, вреда я тебе не причиню. Знать, откуда ты пришёл, я точно-точно по тебе вижу, но как именно тебе вернуться, ведать не ведаю, могу однако же подсказать, что именно надобно тебе делать, чтобы продвигаться в верном направлении. Иди сейчас по коридру налево да поднимайся вверх по винтовой лестнице. Там ты увидишь уходящую вверх под крутым углом шахту почти вертикального коридора, ведущего на башню, а внутри шахты той эскалатором с постоянным гудением поднимается ну что-то вроде матрасца такого кажаного. Вот ты брюхом-то на матрасец тот ложись, да и подымайся на нём, а как подынешься, так обернись на круглок каменной площадке - и увидишь внизу оставшегося позади коридора самого себя, только ещё не поднявшегося вверх, а как увидишь внизу самого себя, так должен будешь почувствовать себя нижнего и вот как раз им-то, собою нижним, ложись пузом-то матрас опять, да и снова подымайся вверх. Тогда-то себя второго с первым объединишь, а как сделаешь это, увидишь, куда дальше твои пути-дороженьки ведут.

Я поблагодарил старушку, хотя и несколько удивился её совету, поскольку никак не смог представить, как же так меня может быть два,

если я вот один же здесь стою, а пройдя по указанному маршруту, я действительно обнаружил уходящий вверх под крутым углом коридор и кромко работающим механизм эскалатора. Непонятным оставалось, почему здесь не было ничего подобного раньше или же я прост не додумался зайти в этот угол замка, а всё крутился да крутился около одной-единственной двери, введущей в разнообразные места? Как бы там ни было, шорох от местного подъёмника стоял ничуть не меньший, чем от эскалатора в метро и точно так же он под резким углом поднимался вверх с той лишь разницей, что поверхностью были не металлические ступеньки, а какой-то натянутый шероховатый искусственный материал, похожий на дерматин не очень-то высокого качества.

Как и посоветовала страушка, я лёг спиной вверх, ощутив приятное отдохновение от ощущения наконец-то мягкого материала под собой, столь напомнившего мне о диване в собственной родной проекции. Сверху в впрямь оказалась, стоя на которой я обернулся, последовав данному мне совету, в шахту, из которой только что поднялся на движущемся матрасе. Что было здесь прелюбопытно, надобно бы отметить, так это и взаправду видеть себя, стоящего внизу шахты. И это было отнюдь не отражением в зеркале. Меня было два - и второй я был точно таким же объёмным и настоящим, как и я первый, разглядывающий себя где-то сверху в низ, тогда как другой точно так же смотрел на себя первого снизу вверх. Тогда я постарался сконцентрировать всё своё внимание на том, который виде себя же где-то сверху, стоя, соответственно, внизу эскалаторной шахты, и повтори то же самое действие подъёма на матрасике, лёжа на пузе.

Когда второе моё тело поднялось вверх вертикального коридора, то ощущение раздвоенности исчезло, и я понял, что стою на площадке, разделённый лишь тонкими перегородками окон. Окна были во всю стену от потолка и до пола, от края и до края, почти состыковываясь друг с другом и разделяясь лишь узкими перегородками каменных вертикальных опор. В целом, площадка была площадью метра три на три и напоминала обзорный зал где-то на вершине маяка. С одной из сторон был вид почти с высоты птичьего полёта во простирающийся до горизонта внутренний двор старика-хранителя, с другой стороны простирались болота пастуха, с третьей стороны вдаль уходили бесконечные зелёные холмы стрекоз, тогда как с четвёртой жёлтыми нагромождениями кривобоких домишек теснился неуютный мир патриотов, носящих однообразные костюмы и пламенные значки, где меня чуть было не поймали дружинники. Причём, если выглянуть из

окон наружу, то пространство виделось окружающим со всех сторон и целостным, нигде проекции не состыковывались друг с другом, кроме этой самой высотной башни, где я сейчас и находился, и только здесь складывалось впечатление не то лоскутного одеяла, не то четырёхцветного детского мячика, не то сплава из четырёх стихий. Я стал думать, куда же мне идти, но вдруг увидел лесенку, ведущую прямоком вниз куда-то под башню из обзорной площадки.

Спустившись по этой лесенке я, по логике вещей, должен был бы выйти в тот самый тоталитарный мир единообразных построек, но вместо этого увидел прямо перед собой совершенно иной пейзаж. В который раз уже. Прямо спереди от замка высокой чуточку подгорелой сахарной головой под довольно резким углом гладко поднималась полугруглая покатая гора, поросшая относительно невысокими деревьями, какой-то кустарниковой растительностью и, кажется, даже исполненная журчащих ручьёв. “Ну что ж, это что-то новенькое, и раз уж подсказала мне старушка идти в том направлении, так, стало быть, и поступлю”, - решил я и вышел в этот новый мир несколько поглубже.

Природа здесь была и вправду чудесная и дивная: скальные нагромождения, лепешки камней, горные речушки, благоухающие цветы, ягоды, висящие на кустах - всё это цвело, пахло и наполнялось бодростью весенне-летней жизнерадостности, звона и лучистых бликов между листьев, поднимая настроение, жизненный тонус и придавая дополнительных сил, чтобы продвигаться всё вверх и вверх. Периодически, поднимаясь на гору, я наткался на каких-то нетипичных туристов с рюкзаками и палочками, шастающих между кустов друг за другом ровными змейками шеренг. Они шли все, цепляясь друг за друга по верёвочке, как детсадовцы, хотя в этом, по сути, не было никакой необходимости: гора хоть и была крутая, но всё-таки не отвесная, и я взбирался на неё, разве что прикладывая к этому значительные усилия. Но скатиться с неё или же сорваться было делом просто невозможным из-за обилия крайне гусой растительности повсюду. Несмотря на дымку, висевшую в воздухе, в окружающей атмосфере чувствовалось настроение июня, ранней и светлой молодости лета, которому ещё жить да жить, и самое это бодряще-тёпло-освежающее настроение вселяло уже уверенность, радость и надежду на лучшее.

На самой вершине горы, которую я достиг спустя прядка трёх часов подъёма, оказались какие-то постройки, открывшиеся совершенно неожиданно абсолютно без проблем и напоминавшие во всей своей целостности, если смотреть панорамно, пространный, но своеобразного

вида монастырь. Я зашёл в него и обнаружил в первом крыле следы недавнего ремонта, наслаивающиеся на следы многочисленных давнишних ремонтов в обветшавших корпусах без окон, вставленных в рамы, зиявшие дырам во внутренний двор. Мебели здесь также не было, ни малейшего намёка хотя бы на старенькую скрипучую тумбочку. Всё несло в себе отпечаток, очень характерный для обветшавших советских построек, но, кажется, я всё ещё не вернулся обратно в домашнюю проекцию, поэтому сложновато было судить о том, были ли здесь какие-нибудь советские времена или же их не было вовсе. Кое-где висели плакаты, свидетельствовавшие о былом назначении помещений, в которых я оказался: в одних из обширных по своей площади комнат некогда ранее были столовые, в других - какие-то цеха, непонятно для чего понадобившиеся монастырю, если это действительно был монастырь и я не перепутал постройку с чем-то ещё. Всё окружавшее меня напоминало скорее уж небольшой заводик или бюрократического характера контору до самых глубин своих прожжённого социалистического образца-стандарта.

Впрочем, эстетики здесь было мало, поскольку трудно найти что-нибудь интересное или красивое среди обшарпанных стен с отвалившейся штукатуркой, торчащими наружу красными кирпичами, срезанными штырьковыми арматуринами ушедших в небытие и сданных в металлолом батарей да зияющих проёмов окон вместо таковых по факту. Внезапно это крыло помещений закончилось, перейдя в современное строение с евроотделкой и крайне роскошным интерьером, расцвеченным золотом, серебром, дорогими украшениями, вычурными лампами и столь же вычурной мебелью. От всего просто зашкаливающе веяло нездоровым и дешёвым пафосом. Здесь ко мне вышел человек, напоминающий помесь казака с кришнаитом. Одет он был в жёлто-оранжевые одеяния, длинные, спускающиеся до самых пят, носил на ногах сандалии и держал в руке толстую книгу. Был он гладко выбрит налысо, однако же имел на лице длиннющие свисающие усищи и торчащий сзади хохолок.

- Добро пожаловать в обитель нашей общины. - человек сделал пригласительный жест рукой, обращаясь ко мне. - У нас здесь три крыла, прошу извинить нас за то, что мы не можем показать на настоящее время все красоты первого, поскольку там ещё идёт ремонт, зато здесь, по второму крылу ты можешь ходить и любоваться везде, где угодно и пользоваться всем, чем угодно. Чувствуй себя как дома, и можешь находиться здесь столько, сколько пожелаешь. А вот если ты захочешь пройти в третье крыло, то ты должен показать на

входе туда билет, продающийся у самого подножия горы. Но уж раз если ты не приобрёл его, то тебе придётся спуститься к поножию и купить билет так, как и подобает.

Немного ещё походив по пафосному крылу и поразглядывая показную фальшивую роскошь и сусальное золото, которые глаз отнюд даже не радовали, зато от котрых просто начинало слегка так подташнивать, я решился всё-таки хоть одним глазком взглянуть, что же это за такая таинственная третья часть комплекса построек. Выйдя во двор, я заметил, что вторая часть здания резко переходит в нечто, напоминающее древнеиндийские отстроенные и вылепленные крайне сложным образом храмы, покрытые многоцветными рисунками и барельефами тончайшего искусства древности, изображающими сюжеты из мифов и легенд. И всё бы ничего, если бы навстречу мне не выскочила взъерошенная женщина средних лет, явно страдающая синдромом вахтёра в хронической форме и начавшая настойчиво и упорно требовать с меня билет для посещения третьего крыла:

- Так, молодой человек, билетик, Ваш билетик, показываем билетик, билетик, где же билетик, купили билетик?.. - и это самое слово “билетик” она, точно заклиненная, настырно повторила ещё не менее, как раз десять. А то и больше.

- Да нет у меня никакого билетика. - я только пожал плечами. Действительно, откуда мне было знать, что касса где-то у подножия горы. Там ни указателей, ни стрелочек, ни табличек. Да и для удобства туристов можно было бы ещё одну кассу на верхушке горы поставить, раз уж они тут все такие умные.

- Ну тогда дальше вы не пройдёте, билетик, билетик.

Тогда я решился на хитрый обходной маневр. Надобно отметить, что женщина эта носила толстые-претолстые очки, свидетельствовавшие о её некоторой подстлеповатости. Тогда я сделал вид, что возвращаюсь во второе крыло, и действительно в него вернулся. Затем, обойдя его изнутри по коротким коридорам, вышел в третье крыло с противоположной стороны. Там находился целый храмовый комплекс, но самым поразительным и удивительным был организованная на маленьком клочке земли между храмами крошечная площадка, в центре которой росло невероятной толщины дерево, занимавшее практически всю территорию площадки.

Судя по всему это был баобаб, поскольку подобной толщины не способно достичь ни одно дерево в мире, но приглядевшись, я обнаружил с удивлением, что это не баобаб никакой, а самый настоящий дуб, имеющий в своём диаметре никак не менее десяти

метов, а то и больше, что вызвал во мне крайнее удивление подобным положением вещей. Подойдя к дереву, я погладил рукой его крайне кряжистую и исчерченную глубокими морщинами и прорывающимися наружу корнями поверхность. Интересно, а сколько же ему лет? Удивительно низким был рост дерева - он не превышал среднестатистического роста других деревьев и составлял три, ну от силы, четыре среднестатистических этажа среднестатистической жилой железобетонной коробки, коих всегда премного отыщется в любом из наших городов, а потому при подобных пропорциях, очень, надобно заметить, непропорциональных, дерево производило исконно бочковидное впечатление, как великанский пенёк-переросток с дом размером.

Я обошёл вокруг дерева, и вдруг заметил интересную особенность: в коре дерева виднелись вполне современные европейского образца створки лифта, а над лифтом нависал стеклянный квадрат прорубленного окна довольно крупного окна, какие ставят в квартирах современных типов планировки. Нажав на кнопку лифта, я подождал, пока тот спустится на первый этаж дуба и откроются створки коры дерева. Да и сама кнопка вызова изрядно так смахивала на корявый корешок, неведь каким образом торчащий именно на этом самом, подходящем для кнопки месте, а уже внутри лифтовой кабинки обнаружилась ещё одна-единственная кнопка, по-видимому, заставляющая кабинку кататься туда-сюда с первого этажа на второй и с второго - на первый.

Створки лифтовой кабинки распахнулись, и вот предо мной предстал лаконично, но очень уж функционально, стильно и со вкусом обустроенный кабинет начальственно-чиновничьего облика. Как и следовало ожидать от кабинета, находящегося в дубе, форму он имел не квадратную или прямоугольную, но цилиндрически-округлую с высоким-превысоким потолком, упирающимся со внутренней стороны дерева аж куда-то под макушку кроны, повторяя форму дерева. Вдоль стен стояли колоссальных размеров старинные шкафы, до верха заставленные книгами, а в стене ярко светило кусочком лазури за храмовыми постройками третьего крыла то самое евроокно, которое столь хорошо заметно было ещё при нахождении возле корявых корней дуба, похожих на упитанно-мясистые руки арм-реслера или кривые ноги наездника, приобретшие от жирных боков ленивого скакуна форму дугообразного колеса. Прямо в центре кабинета стоял прямо-таки парламентских размеров стол для зала совещаний, полностью заваленный многоуровневыми кипами бумаг.

На имеющихся паре десятков сантиметров площади стола, свободных от нагромождений кип бумаг, размещался зеленоватый торшер в форме грибной шляпки, а за столом, на удобном и столь же лаконично функциональном, как и всё остальное здесь, в кресле из качественно выделанной натуральной кожи сидел человек, похожий одновременно на учёного и на представителя какой-нибудь творческой профессии, типа художника, дизайнера или писателя хотя, в то же время, во внешности его было нечто и от Сталина. Человек коротко посмотрел на меня и, ни слова не говоря, коротко указал на стул напротив себя с противоположной стороны стола, ближайшей ко входу в кабинет. Я устроился на стуле. Владелец кабинета протянул мне руку.

- Ну что ж, я должен Вас поздравить. - неторопливо и слегка растягивая слова сказал он. - Вы прошли испытание. Не многие сумели это сделать, но всё же такие люди есть, они, конечно же, существуют.

- А позвольте узнать Вашу роль в организации испытания?

- Ну как же ж, как же ж! Я - вечный...устроитель этого испытания. Я - тот гид, что привёл всю группу на испытание, разве что облик сменил. Я - хранитель замка, вечно скитающийся в нём дух, я - проводник, но я же и проклятие здешних мест! Поскольку знания о параллельных реальностях не должно даваться каждому встречному-поперечному, то я решил, что это знание будет полностью открыто лишь тем, кто докажет, что достоин подобного рода знаний, а те же, кто недостоин, отсеются сами, затервшись где-то в своих мирах. Есть один принцип. Когда ты ходил по всем этим подпространствам, то всякий раз, открывая дверь, ты видел не тот мир, который предопределяли символы - они были встроены в засов двери лишь для отвода глаз - а на деле, мир открывался тебе лишь тогда, когда ты был готов увидеть ещё одно из своих собственных отражений. И тогда. - сидящий в роскошном кресле человек щёлкнул пальцами, изобразив звук открывающейся в очередную параллель двери замка. - и вуаля: дверь отпирается, и ты видишь что-либо, полностью отражающее одну из твоих собственных черт.

Только человек, сумевший победить все свои отражения и одержать победу в десятках битв над самим собой, достоин того, чтобы свободно и беззаботно гулять по бесконечности. Тот же, кто в действительности своей саморефлексии перекошен, кто не способен принять себя таким, каков он есть со всеми своими достоинствами и недостатками, кто предпочтёт одно отражение всем другим, навсегда останется в Мирах. Одного из пообных существ, пришедших из чуждой тебе реальности, ты и встретил. Помнишь вечного узника внутреннего двора, его

извечного хранителя?

- А Вы знаете все-все проекции, в которых отражатся замок? - я искренне удивился спокойному пониманию гида и его отстранённо-осознанному подходу к довольно-таки жутеньким вещам, свойствам и аспектам довлеющего на замком проклятия.

- Честно тебе сказать? - устроитель посмотрел на меня. - Я не знаю ни одного мира. Их просто нет. Это всё лишь порождения твоих собственных черт самоотражения. Я посмотрел вовнутрь тебя и увидел те отражения, которых были порождены замком. Именно так я понял, что именно ты там видел и как ты там видел. Вариаций может быть всевеликое множество, ведь каждый проходящий испытание попадает всегда и везде в свой собственный мир, во множество собственных проекций, и они никогда не повсторяются, точно так же, как не повторяются конфигурации людей. Да, они могут быть похожими, они даже способны быть почти идентичными, однако полностью повторяющимися - никогда. Я же пронизан через всю эту субстанцию, проектирующую подпространства в твоё сознание, поэтому и не могу сказать, что существует там ещё хоть что-то, кроме этой субстанции, которой я и являюсь. Я и есть система тех самых кривых зеркал, с которой начинаются все отражения и в которой все кажущиеся отражения гаснут.

Очень возможно, что когда-нибудь ты также удостоверишься, убедившись самостоятельно, что сложившаяся ситуация до краёв исполена особого юмора самого нашего существования, и поймёшь всё это не так просто, умозрительно, а окончательно, всем своим глубинным существом, которое ещё уметь нужно открыть, поскольку оно не очевидно, ведь оно и не думает лежать на поверхности. Ну да ладно, я не смею тебя задерживать более. Что же касается твоей многообещанной награды, ради которой ты и на самом деле показал, что готов пройти все эти местами сложные, местами - лёгким, иногда - опасные, а порою даже и приятные испытания, то награда твоя проста и незамыловата, хотя полностью оправдывает все затраченные тобой усилия, уж поверь в это.

Каждый из всех вас, прошедший через гранитный замок, приобретает эту постройку как личное зеркало, а это значит, что отныне ты оказываешься способен перемещаться между любыми мирами так же легко и своодно, как и ходить из комнаты в комнату. Теперь тебе уж не нужен замок. Возвращайся в свой родной мир и живи, как жил ранее или живи по-новому, но когда-нибудь ты ещё встретишь тех людей, которые тоже прошли это испытание, как и ты сам. Уж поверь мне,

старику, на всю Землю их на данный момент наберётся наверное, никак не меньше десяти тысяч, а то и поболее. И если...а что тут говорить! Ладно, иди. - махнул рукой гид-строитель.

- Нет-нет, раз уж Вы начали говорить, так и договаривайте!

- Ну хорошо, ладно. Ты и вправду хочешь слышать то, что я готов тебе сообщить?

- Да, зачем же так заинтриговывать, а затем отправлять восвояси в полном гордом молчании?

- Так я скажу...

- Говорите уже наконец-то!

- Если хочешь переродиться осмысленно, осознанно, по собственному выбору в любом из параллелей собственных отражений, то, как бы это парадоксально ни звучало, ты должен относиться к каждой их них одинаково так, чтобы ни одна из них тебя не притянула, что позволит, в итоге, воспарить над всеми ними и выбрать уже самостоятельно и исходя из твоих собственных внутренних смыслов. Так что твоя задача - это чтобы в выборе части меня, субстанции порождения проекций, скользить между моими же обличьями, формами и масками. - так сказал человек из кабинета в дубе и провёл себя самого по лицу рукой, и тогда я увидел, как лицо его, постоянно изменяя форму, превращается в облики виденных и не виденных мною разных людей, в том числе гида, пастуха - хранителя ключей и даже меня самого.

Когда я узнал, что уже не могу отличить его от себя, то просто шагнул в воздух своего собственного мира, чтобы навсегда запечатлеть свершившиеся за три дня похождения в памяти, как показательный кошмар приключений, похожий на реалистичный, но сумбурный сон, хоть и случившийся со мной в действительности даже более яркой, чем сама действительность - та, откуда я родом.

*Белоусов Роман,
02 сентября 2015 года*